

Насильники поневоле.

А.Я.Варга, к.п.н.

Насилие в семье, всякое – физическое, сексуальное, эмоциональное, – происходит часто и во многих семьях, но совсем не всегда воспринимается как насилие всеми участниками этого процесса.

Есть, конечно, очевидные случаи, когда отцы, отчимы, дяди и прочие родственники мужского пола насилуют и/или систематически избивают маленьких девочек или мальчиков. Обычно такое квалифицируется окружающими как насилие. Во многих других случаях насильник не считает, что он совершает насилие, жертва не считает, что подвергается насилию, и свидетель не понимает, что же он наблюдает. Муж с женой поссорились и подрались, но муж оказался мощнее жены и в пылу драки избил ее несколько сильнее, чем собирался. Это что? Физическое насилие? Девять человек из десяти удивятся такому определению. «Семейное дело, с кем не бывает, ну повздорили, милые дерутся...» Я наблюдала кросскультурный брак – муж русский, жена американка. Однажды муж дал пощечину жене. Жена решила с ним развестись, и мало того, посадить его в тюрьму за физическое насилие. Жили бы они в Америке, так бы она и сделала. В России у нее это не вышло. В милиции очень смеялись, а муж сказал:» Ты еще глупее, чем я думал. У нас в семье это обычное дело. Папа маму бил, и я свою первую жену поколачивал. «Против развода муж не возражал, обиделся за то, что в тюрьму жена хотела его посадить. А вот еще знакомый сюжет. Муж требует от жены секса. Если она откажет, то будет скандал. Ссора на несколько дней. Жена соглашается. Занимается с мужем любовью по принуждению, и не знает, что является жертвой супружеского насилия. Ребенок плохо себя ведет. Его нашлепали. Родители скажут:» Мы его учили «. На самом деле по отношению к ребенку было осуществлено физическое насилие. Много ли тех, кого в детстве пальцем никто не тронул? А уж тех, на кого в детстве ни разу не накричали, совсем не найдется. Не дома, так в школе кричали, пугали угрозами страшными. Нормальная ситуация развития российского ребенка сопровождается таким эмоциональным насилием чуть ли не каждый день. Между тем стресс, который переживает ребенок в ситуации эмоционального насилия, ничем не отличается от стресса, который бывает в ситуации физического и сексуального насилия. В свое время под моим руководством была выполнена курсовая работа на кафедре психологии и педагогики Педагогического института, теперь это Педагогический университет. Среди студентов проводился опрос: какое самое неприятное школьное воспоминание. Оказалось, что у большинства самое неприятное воспоминание - это крик учителя. Интересно, что не важно, кричал ли учитель на тебя или на твоего одноклассника. Одинаково травматично быть жертвой или свидетелем насилия. Любое систематическое насилие приводит к тому, что у жертвы и у свидетеля развиваются посттравматические стрессовые расстройства. В обыденной жизни наиболее заметными признаками постстрессового расстройства являются т.н. симптомы повышенной возбудимости у ребенка: раздражительность, нарушения сна, непослушание, трудности концентрации внимания, взрывные реакции, непроизвольная физиологическая реакция на событие, символизирующее или напоминающее травму. Например, если замахнуться рукой на битого ребенка, он может зажмуриться, отшатнуться, закрыться руками, испугаться, заплакать, несмотря

на то, что столкнулся только с угрозой, не с реальным насилием. Небитый ребенок просто удивится. Симптомы повышенной возбудимости – это самые малые признаки посттравматического стрессового расстройства, которые могут вызываться бытовым насилием любого рода. Есть, однако, еще одно следствие опыта насилия, которое в каком-то смысле страшнее вышеперечисленных. Пережитое насилие приводит к формированию сниженной самооценки. Ребенок делает выводы о себе, о том, чего он стоит в этой жизни, по тому, как к нему относятся значимые взрослые. Если ребенка обижают, унижают, бьют, пугают криком, угрозами, сексуально используют и т.д., то ребенок уверяется в том, что ничего лучшего он и не стоит, что все это он заслужил, потому что он плохой. Часто это иррациональное убеждение формирует всю его дальнейшую жизнь. Надо сказать, что такая же логика есть и у взрослых жертв насилия. Они всегда спрашивают себя: «Почему это случилось со мной?» В случайных, иррациональных, жестоких и несправедливых событиях люди стараются найти логику и смысл: возмездие за грехи, собственное неправильное поведение, вроде провокации насилия, и некое ощущение своей общей мерзости, которая и есть причина произошедшего. У ребенка низкая самооценка приводит к тому, что он перестает искать доброе отношение к себе, стремиться к успеху. Пережитый опыт насилия научит ребенка это насилие совершать, правда, теперь по отношению к более слабым и беззащитным. Многие взрослые насильники в детстве были жертвами насилия.

Пассивный свидетель насилия так же испытывает негативные последствия этого опыта. Самое печальное следствие – это ощущение беззащитности – и своей и взрослого человека – жертвы. Непреодолимая безнадежная беззащитность – а затем либо смирение с этой мыслью и появление покорной жертвы, либо яростный протест против этого – и появление агрессивного насильника. Первый опыт насилия в этом случае обычно совершается по отношению к тому, кто мучил жертву на глазах у ребенка. Знакомый сюжет: сын избил, покалечил, убил отца, который годами преследовал и терзал мать. Итак, получается замкнутый круг: насилие порождает насилие. Где есть насилие, там есть жертвы. Участники треугольника насильник-жертва-свидетель воспроизводят эти роли в следующих поколениях и/или с другими людьми. Мало кому удастся избежать этого самостоятельно, без специальных усилий или специальной помощи.

Насилие широко распространено в практике обыденной жизни. Оно настолько привычно, что мы и не считаем насилие насилием, это норма. Причины обычной жестокости находятся в культуре нашего общества. Рассмотрим ситуацию с эмоциональным насилием подробнее. Крик, как уже упоминалось, самый знакомый вид эмоционального насилия. Многих детей крик парализует. Часто возникает парадоксальная ситуация – ребенка хотят поторопить, сначала просто говорят «Быстрее, быстрее». Потом начинают кричать – и вот здесь происходит полное разрушение той деятельности, которой ребенок занимался пусть и недостаточно быстро. Вообще говоря, многие родители и учителя знают, что крик не приводит к требуемому результату. Однако они продолжают кричать на детей. Зачем? Человек не совершает бессмысленных поступков. Если продолжается крик, значит он издается для чего-то еще. Например, чтобы криком снять собственное напряжение и тревогу. Получить разрядку, несмотря на то, что ребенку расслабление взрослого стоит эмоционального комфорта. «Мне плохо, а я еще буду заботиться о том, чтобы ребенку было хорошо?» – с возмущением спрашивал меня один папа. Высказывание, типичное для

эмоционального насильника. Оно говорит о том, что насильник почти не отделяет себя от жертвы, воспринимает себя и ребенка в некотором смысле как одно целое. В семье, где эмоциональное насилие происходит часто, существует негласное правило. Формулируется оно примерно так:» Все члены нашей семьи должны чувствовать одно и то же одновременно». Особенно это верно по отношению к отрицательным чувствам. Пришла мама с работы, где ее начальник оскорбил и расстроил, накричала на своих домашних. Все ее родные теперь расстроены и оскорблены. Все чувствуют одно и то же, это сближает, напоминает людям, что они не чужие друг другу. Непосредственная перекачка чувств. Мама немного своих расстройств отдала, и ей полегче стало. Часто про детей говорят :» Пока не доведет, не успокоится». Кажется, будто ребенок вызывает скандал, провоцирует взрослого человека. Накажешь такого ребенка, он поплачет, а потом быстро успокоится. Передал немного своего внутреннего беспокойства взрослому, стало легче. В тех случаях, когда человек не очень понимает, где кончается он сам, а где начинается другой человек, где его чувства, а где чувства другого человека, где его проблемы, а где проблемы другого человека, где его ответственность, а где ответственность другого человека – там легко возникает насилие эмоциональное насилие. Насилие совершается человеком, у которого слабые, прерывистые границы его личности. Он легко и непринужденно «сливает» свои огорчения, ярость, обиду в другого человека, и если другой такой же «дырчатый и безграничный» то он легко все берет. Его обижают, и он обижается, он позволяет себя оскорблять, унижать, мучить, потому что ему трудно отделить себя от чувств и действий другого. Он эмоционально заражается, вовлекается. Вот и образовалась необходимая для осуществления насилия пара – насильник и его жертва. В семьях, где существует эмоциональное насилие, всегда плохо построены границы личностей. Вернее эти семьи состоят из людей со слабыми личностными границами. Ребенок в этих случаях удачный партнер, потому что границы его личности слабы по возрасту. Редко встретишь малыша, на которого мама, например, кричит, а он спокойно и сочувственно смотрит на нее и говорит:» Я понимаю, что у тебя был трудный день, мамочка. Давай я лучше расскажу тебе как у нас в детском саду музыкальные занятия проходили».Вместо этого он или пугается, или обижается – словом заражается и вовлекается. Круг замкнулся. Слабость личностных границ в каком-то смысле есть культурная специфика России. Носитель народной мудрости и правды Платон Каратаев умел «жить миром», быть частью целого. Толстой пишет:» Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьераолицетворением всего русского, доброго и круглого(...) Но жизнь его (Платона-А.В.) как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал». Вот эта способность быть счастливым от того, что являешься частицей чего-то большего, не имеешь самостоятельной ценности, достигается именно с помощью размытых границ личности, смазанной индивидуальностью. В русском языке нет понятия, адекватного английскому privacy. Это что-то вроде частной жизни, личной суверенности. Нет понятия и, значит, нет потребности. Душа нараспашку – вот что ценится. Это замечательное понятие, аналогов которому нет в других культурах. В русской культуре выработались правила воспитания, позволяющие сохранять личные границы незамкнутыми. «Будь как все», «Тебе что, больше всех надо?»,

« Не противопоставляй себя коллективу» – дети часто слышат эти сентенции. Хороший ребенок – это послушный ребенок. Идеально, когда ребенок слушается и подчиняется не спрашивая :»Почему так?». Взрослые не всегда могут объяснить почему так, и в качестве аргумента говорят:» Потому что я тебе велел». Или : «Потому что я лучше знаю, как для тебя хорошо». Последний аргумент поражает искренней убежденностью. Дети верят. Мама лучше знает, на маме, в таком случае, и ответственность за устройство чужой жизни. Пусть эта жизнь родного ребенка, все равно это не своя жизнь, а значит – чужая. Родителей обычно оскорбляют подобные рассуждения. Им кажется, что не брать на себя ответственность за жизнь ребенка, не управлять им, - значить как бы бросить этого ребенка на верную гибель. Объяснять свои требования – все равно что не доверять собственному родительскому авторитету, вроде прогибаться перед ребенком. Держать себя в руках, не показывать свои чувства в непосредственном виде – быть неискренним, отдаляться. Если взглянуть на дело с другой стороны, то получится, что беспрекословное послушание необходимо, чтобы осуществлять авторитарный контроль , а за ним, в свою очередь, скрывается неверие в здравый смысл и душевные силы ребенка, своего рода неуважение ребенка. Я соглашусь, что возможность держать себя в руках , требует несколько большей дистанции – имеешь дело все-таки не с собственной ногой или рукой, а с отдельным человеком.

За привычную близость, за роскошь недоделанной индивидуации, за незакрытые границы личности мы платим огромной распространенностью прежде всего эмоционального насилия в семьях, а часто и всякого другого. В каждом поколении воссоздается новая историческая общность людей, поголовно страдающих явлениями постравматического стресса, но не знающих этого. Не переплачиваем ли за культурную идентичность?